

4. Zolotova G. A. Kategorii vremeni i vida s tochki zreniya teksta // Voprosy yazyikoznaniya. 2002. № 3. S. 8–29.
5. Zolotova G. A., Onipenko N. K., Sidorova M. Yu. Kommunikativnaya grammatika russkogo yazyika. M.: IRYa RAN, 2004. 544 s.
6. Kibrik A. A., Dobrova G. B., Zalmanov D. A., Linnik A. S., Lukashevich N. V. Referentsialnyiy vyibor kak mnogofaktornyiy veroyatnostnyiy protsess // Kompyuternaya lingvistika i intellektualnyie tehnologii: Po materialam ezhegodnoy mezhdunarodnoy konferentsii «Dialog». M.: Izd-vo RGGU, 2010. S. 173–180. URL: <http://www.dialog-21.ru/media/2769/dialog2010.pdf>.
7. Lotman Yu. M. Struktura hudozhestvennogo teksta. M.: Iskusstvo, 1970. 384 s.
8. Lukin V. A. Hudozhestvennyiy tekst: Osnovy lingvisticheskoy teorii. Analiticheskiy minimum. M.: Os-89, 2005. 559 s.
9. Fedorova O. V., Delikishkina E. A., Malyutina S. A., Uspenskaya A. M., Feyn A. A. Eksperimentalnyiy podhod k issledovaniyu referentsii v diskurse: interpretatsiya anaforicheskogo mestoimeniya v zavisimosti ot ritoricheskogo rasstoyaniya do ego antetsedenta // Kompyuternaya lingvistika i intellektualnyie tehnologii: po materialam ezhegodnoy mezhdunarodnoy konferentsii «Dialog». M.: Izd-vo RGGU, 2010. S. 525–537. URL: <http://www.dialog-21.ru/media/2769/dialog2010.pdf>.
10. Yarho B. I. Prosteyschie osnovaniya formalnogo analiza // Ars poetica, I. M., 1927. S. 7–28.

A. P. Попова

МЕТАФОРИЧЕСКАЯ ОБРАЗНОСТЬ В РЕЧИ РЕБЕНКА ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Статья посвящена анализу системы метафор в речи ребенка дошкольного возраста в творческой поэтической деятельности, в когнитивной сфере, в сфере непосредственного социально-бытового и игрового общения. Исследуются семантические и структурные особенности метафор, предметно-логические основания сравнения как база для метафоризации: что становится предметом и образом сравнения; какие критерии сравнения, аналогии и в каком количестве находят отражение в окказиональных переносных значениях; взаимосвязь метафор в контексте. Материалом статьи послужили записи речи одного ребенка в возрасте от одного года до семи с половиной лет.

Ключевые слова: детская речь, семантика, компаративность, метафора.

A. Popova

METAPHORICAL IMAGES IN THE LANGUAGE OF A PRESCHOOL CHILD

The article is devoted to the analysis of the metaphorical images in the language of a preschool child, including creative poetic activity, the cognitive sphere, the sphere of direct social and everyday communication. Semantic and structural features of metaphors and subject-logical bases for comparison as a foundation for metaphorisation are studied in order to establish what becomes the subject and the image of comparison; the criteria for comparison and analogy and how they are reflected in occasional figurative meanings; the interrelation of metaphors in the context. The research is based on the recording of one child's language over the period from one to seven and a half years of age.

Keywords: child language, semantics, comparative, metaphor.

Сравнение как один из основных, древнейших механизмов познания мира, как универсальная мыслительная операция во-

площается в системе средств различных уровней языка. Не случайно еще с античных времен при разработке риторического

канона (модели создания речи — от аморфного представления о ней до полноценного текста) сравнение квалифицировалось как составная часть одного из основных топосов — топоса *сопоставление*, подразумевавшего взаимосвязь и единство двух операций — выявления сходства (собственно, эта процедура и именовалась сравнением) и поисков различий (противопоставление).

Типология сравнений обширна, она пронизывает различные уровни языка и, как известно, составляет функционально-семантическое поле [3] компаративности, одним из ряда средств объективации которого выступают лексемы с метафорическим значением, реализующим «сопоставление-сравнение».

Семантические нюансы сопоставления на шкале «тождество/различие» многообразны — и не все из них способна реализовать именно метафора: «понятие компаративности является семантически расчлененным, то есть образуется сочетанием понятий сходства и различия, которые, в свою очередь, распадаясь на еще более мелкие микрополя (тождество, равенство, подобие, соответствие, неразличимость, несоответствие, различие, неравенство, противоположность, противоречие), отражают все семантические оттенки поля компаративности» [4, с. 125]. Репрезентация функционально-семантического поля компаративности в детской речи — отдельная глобальная проблема, настоящая же статья посвящена рассмотрению типов и функций в речи определенного ребенка в определенный период его развития.

Метафора реализует — из всей парадигмы «сопоставления» — аспект сходства, аналогии, что, разумеется, не свидетельствует о бедности креативных возможностей метафоры. Функциональный потенциал метафоры широк: это и способ самореализации языковой личности, и средство художественной выразительности, и создание наглядной модели объекта через иной

объект (менее сложный, более известный говорящему и т. п.). Все вышесказанное наблюдается в детской речи, поскольку метафора становится одним из воплощений языковой креативности: креативности «компенсаторной», «обусловленной “дефицитом” имеющихся в распоряжении ребенка языковых средств», и «осознанной», обусловленной проявлением собственной «власти» ребенка над языком [5, с. 15].

Метафора как одно из средств выражения сложной, комплексной природы сравнения проецирует на себя его поликомпонентную структуру. Таким образом, метафора в контексте и — шире — в речевой ситуации предполагает: 1) «предмет сравнения (то, *что* сравнивается)» [13], «компонент, выражающий элемент А (“тема”)» [9, с. 34], компарат [10, с. 47]; 2) «образ сравнения (то, с *чем* сравнивается)», компонент, выражающий элемент В («образ»), компарант [там же]; 3) признак, положенный в основу сравнения, компонент, выражающий третий элемент сравнения С («критерий сравнения»), основание сравнения [там же]; 4) средства языкового выражения такого уподобления [9, с. 34].

Установленное человеком представление о сходстве, соотношении предметов дает почву для развития полисемии: «человек довольствуется уже имеющимися звуковыми комплексами, реализуя тем самым ассоциативный потенциал языкового знака в области связей между формой и содержанием» [7, с. 10].

На материале речи ребенка дошкольного возраста реально проследить, что именно и с чем именно сравнивается, какие аналогии и в каких случаях берутся за основу, каким образом выражается метафорическое значение — в том числе и с помощью вспомогательных средств, когда перед нами не однословная, а развернутая метафора либо сложный образ, двойная, тройная аналогия, предполагающая два и более критериев сравнения. Примеры метафорических словоупотреблений зафиксированы в речи

Лены Е. в период с 1 года 8 месяцев по настоящее время — на данный момент ребенку 7 лет 6 месяцев. В речи Лены имеют место различные средства репрезентации компаративной семантики, помимо средств лексико-семантических, к каковым и относится метафора (словообразование; создание и варьирование фразеологизмов; синтаксические конструкции, выражающие сравнение).

Метафорическая образность исследовалась нами в трех сферах речевой деятельности: в непосредственной разговорной речи, общении; в творчестве — в основном поэтическом; в сфере когнитивной, когда посредством метафор-моделей ребенок истолковывает для себя научные понятия.

Сама специфика творческой речевой деятельности предполагает создание визуально, аудиально, кинестетически наглядных образов, «эталонов» [6, с. 301]. В наших примерах — в малых жанровых формах, то есть в стихотворениях и в небольших сюжетных прозаических фрагментах с нестрогой композицией, — нередко встречаются метафорические образы-детали — образы на данный момент частные (то есть не образы-герои и не текстообразующие образы-символы).

В познавательной деятельности также задействована метафора, компактно, «удобно» для говорящего реализующая свои эвристическую и объяснительную функции [14]. Как показывает собранный нами материал, в речи ребенка складывается система метафор, которые можно квалифицировать по всем компонентам данного сложного явления (то есть компарат, компарант, основание метафоры, языковые средства ее выражения).

Первые метафорические употребления лексических единиц зафиксированы в речи ребенка в возрасте одного-трех лет; такие метафоры представляют собой результат обнаружения и осмысления аналогий между объектами вещного, растительного и животного мира, аналогий, фиксирующих

наиболее заметные, визуально наблюдаемые свойства.

Одним из таких признаков является цвет предмета, послуживший основой для создания первых *колористических метафор*, специфика которых заключается в следующем: 1) метафорические значения отмечены только у имен существительных; 2) синтаксически такие метафоры в нашем материале выступают в функции приложений, фактически являются вторыми («авторскими») названиями того же самого предмета на основе иной мотивационной базы; 3) компаратами и компарантами становятся и артефакты, и натурфакты, при этом не принципиальны такие немаловажные признаки, как форма, структура и, наконец, общепринятое обиходное подразделение объектов мира на «живое и неживое», значимо лишь цветовое подобие объектов.

Например: *Это расчесочка-кориун, расчесочка-травка (2,2)* — расчески соответственно черного и зеленого цвета; *фломастер-белочка (2,2)* — фломастер оранжевого, рыжеватого цвета, напоминающего окрас белки; *А это поросенок-вечер (2,2), фломастер-вечер (2,2)* — на игрушечном поросенке темно-синяя одежда, фломастер — темно-синего цвета; *халатик-каплюшечка (2,2)* — имеется в виду халат голубого цвета, причем сравнение происходит не столько с предметом реального мира (прозрачной и бесцветной каплей воды), сколько с традиционным изображением данного предмета в детских книгах: капли воды нередко рисуются голубыми или синими; *Щука, щука! (1,8)* — о половой тряпке серого цвета: ребенок наблюдает, как мама полощет тряпку в ведре с водой. Важно отметить, что в последнем случае, по-видимому, наблюдается многоплановое сравнение, которое осуществляется не только по цветовому признаку (серый), для ребенка актуально и местонахождение объекта (емкость с водой), и движения, напоминающие движения рыбы.

Нельзя не согласиться с древнейшим выражением «любая аналогия хромает»: признак, положенный в основу приведенных сравнений, не является доминирующим в предмете, идентифицирующим его, однако оказывается наиболее актуальным для ребенка. Действительно, «в основе метафорического переноса лежит ассоциативность, присущая человеческому мозгу, в “свернутом” виде. Ассоциативность в принципе есть основа процесса творческого познания мира. Метафора создает, а не выражает сходство» [1, с. 171].

Следует отметить, что в более позднем возрасте колористические метафоры в речи Лены сохраняются, однако имеют другую функцию: например, формирование художественного образа — образа, заметим, традиционного для художественной литературы. Приведем строчки из стихотворений Лены: *В ноябре на листьях иней-серебро* (6,7), *А зимой окутало Все серебро* (6,4). Колористическая метафора отмечается и в познавательной деятельности, осуществляемой в игровой форме: *Я буду молекула ржавчины, потому что у меня черненькое платьице* (4,11) — фактически перед нами не только цветовой образ, но и одновременно явление, обратное олицетворению, овеществление, окказиональный перенос значения: «человек в одежде определенного цвета — микрочастица вещества определенного цвета». Таковая метафора является сложной, подразумевающей сразу два основания сравнения.

Познание мира ребенком — и не только, любое научное познание — невозможно без измерения, параметризации объектов по различным основаниям, поэтому в речи ребенка немало **параметрических метафор**, образно передающих размерные и количественные характеристики объектов, а также степень интенсивности какого-либо явления. По существу, измерение — и есть сравнение, когда один предмет характеризуется через другой, являющий собой

меру-эталон. Для ребенка, особенно раннего возраста, еще не знакомого с общепринятой системой мер, актуально измерение находящихся в его сфере деятельности предметов не посредством мер-абстракций, а посредством близких и знакомых ему конкретных предметов.

При создании параметрических метафор, характеризующихся теми же грамматическими свойствами (приложения, выраженные существительными), ребенок определяет не абсолютную, а относительную величину предмета в ряду однородных. За основу сравнения берутся близкие ребенку соотносительные ряды предметов, различающихся (в том числе) по величине: «отец, мать, ребенок», «планеты Солнечной системы».

Приведем примеры контекстов, где представлена параметрическая **метафора-размер**:

Взрослая расческа, прямо расческа-папа. Расческа-папа и расческа-мама. Мама с папой расчесочки. А где у них маленькая расческа Аленьшек? (2,2); *Машинка-мама, это тоже такая машинка-мама, машинка-папа, машинка-лялечка* (2,2); *Мыло-папа тяжелое, а мыло-мама нетяжелое* (2,2); *А когда рябинка вырастает, она становится большой-большой рябинкой-папой* (2,3); *Колпачок-деточка — колпачок воспринят как «ребенок» по отношению к более длинной, пишущей части фломастера — «родителю»* (2); *У Алены была маматошилочка и маленький тошиленочек* (2,10) — о состоянии тошноты, рвоты; *Кусок папа мумий. Мама мумиеха растворилась. Маленький мумиеченок пошел на батут попрыгать с маленькой девочкой мумиешенькой* (2,10) — имелись в виду куски мумие разной величины в стакане воды; *Ганюся <самоназвание Лены> надувает планету Земля и Венеру надувает* (2,1) — о мыльных пузырях; *Самая большая планета Юпитер. Сдулся Юпитер и стал Меркурий* (2,2) — о воздушном шарике.

Параметризация также предполагает измерение степени интенсивности проявления чего-либо; так, в русском языке «параметрическое значение находит своеобразное преломление в употреблениях типа *большая радость, глубокая депрессия, высокий интеллект* и т. п. ... высокая степень — одна из регулярных моделей многозначности в сфере параметрических имен» [12, с. 123]. В приведенных М. Б. Ташлыковой словосочетаниях параметрическая сема содержится в именах прилагательных, в наших же примерах представлены только имена существительные, отражающие **метафору-степень**. В качестве основания сравнения ребенок использует тот же «возрастной» ряд. Например: *Ливень — это такой сильный дождик. Дождик-папа* (2,1); *Нас ласкает ветерок-бабушка. А это ветерок-подросток, девочка* (3,5); *Шторм-бабушка, волны небольшие, и мама прыгала с волны на волну* (3,5).

«Метафора-степень» зафиксирована также в более старшем возрасте — в познавательной деятельности, при описании характеристик звуков речи с точки зрения наличия/отсутствия голоса/шума: *«У гласных один только голос, у них шума вообще ни одного капиллярчика!.. Сонорные — это удивительные согласные, их даже можно назвать гласные-согласные. Шум в них есть... маленький капиллярчик шума в них есть»* (7,6) — сложноизмеримая абстракция (количество) передана Леной через конкретный предмет — капилляр, самый малый и тонкий кровеносный сосуд в организме человека либо животного.

К параметрической метафоре можно отнести и метафору, выражающую количество, **метафору-множество**, обозначающую нерасчлененную совокупность объектов. Например: *А это комарики* (2,2) — о мелких пылинках, находящихся в воздухе во взвешенном состоянии и заметных в луче солнечного света; ср. также более поздний пример: *мышье наводнение* —

много мух (5,9). Подобным же метафорическим образом ребенок объясняет для себя синтаксическое явление — совокупность (лексема *кучка*) взаимосвязанных, рядом расположенных слов в предложении: *Если несколько слов не однокоренные, в одной кучке, — это называется предложение* (5,9).

С двух лет и по настоящее время в речи ребенка обнаруживает себя тип метафоры, который можно условно обозначать как **метафора-форма**; этот тип метафоры, пожалуй, наиболее распространен и «понятен», нагляден, поскольку отражает отмеченное ребенком сходство по самым явным, очевидным визуальным критериям. Особенно это актуально, согласно нашим наблюдениям, для ранних метафор Лены (2–3 года). Например: *Церковь. Уточка в церкви не разговаривает* (2,2) — о емкости цилиндрической формы из-под детской смеси Nan; игрушка уточка, помещенная в эту емкость, как бы пришла в церковь. *Ой, кто это в скорлупке? Появилась матрешка, она вылупилась из скорлупки!* (2,11). *Чашки матрешечкины. Туловище* (2,6) — словами *скорлупка* и *чашка* обозначены нижние открывающиеся части матрешки. *Грибочек — он в фартучке* (2,1) — о пленке под шляпкой гриба. *У меня тут большая волна идет* (3,5) — о складке на одеяле. *А здесь речка рождается* (3,8) — словом *речка* названа трещина на асфальте, узкая, длинная, имеющая изгибы, напоминающая рисунки рек в географическом атласе. Заметим, что в данном примере наблюдается и глагольное олицетворение *рождается* (о данном типе метафорических переносов будет сказано ниже).

В более позднем возрасте ребенок сам определяет сравнение именно как сравнение, характеризуя образ как не соответствующий реальной действительности: *Я сказала «ручки-палочки» — но это в сравнении. Значит, худенькие. Это не зна-*

чит, что какие-то палки у меня из плеч торчат (5,5).

Разновидностью типа «метафора-форма» является *метафора-структура*, необходимость в которой появляется при номинации либо сложных предметов, имеющих взаимосвязанные составные части, либо двух взаимодействующих предметов. В раннем возрасте ребенок использует соматические метафоры, которые, как известно, широко распространены в языке, и выбирает уже освоенные части тела человека в качестве эталона: *Вот у них <пятка> голова!* (2,0) — о большом пальце ноги (по отношению к пятке); в данном случае наблюдается представление одной части тела через другую, более освоенную. *У фломастера две головушки* (надела колпачки на один фломастер с обоих его концов). *Двухголовый, у фломастера две головушки* (2,2). *Фломастер надел трусики. Надел себе попочку. Закрытый* (2,2) и т. п.

Самая первая метафора в речи Лены относится также к типу «метафора-структура» (1,8): компарантом послужил составной объект — гамма, то есть последовательный восходящий или нисходящий ряд звуков и расположение нот на нотном стане (после просмотра мультфильма «До, ре, ми», где в игровой форме дано визуальное изображение гаммы). Существительным *гамма* ребенок назвал три составных предмета, структура которых представляет собой некий ряд, последовательность: 1) батарею отопления, состоящую из последовательно расположенных секций; 2) очередь — группу людей, стоящих друг за другом в ожидании чего-либо; 3) стоящие в ряд машины на автостоянке.

Ребенок неоднократно передает образ двух предметов, при взаимодействии составляющих как бы один сложный предмет, через актуальный и понятный ему образ одевания. Оказиональные метафорические значения получают существи-

тельные, именующие предметы одежды/обуви: *трусики, ботиночек, шапочка: Голая, надо трусики* (1,9) — о фотографии, которая не вставлена в рамку; *Фломастер надел трусики* (2,2); *Это жмет ботиночек, поменяла, и опять стали гулять* (2,11) — о колпачке фломастера из другого набора — такой колпачок с трудом надевается, «жмет»; *Ручки шапочку одели* (2,3) — о своих обеих руках, помещенных в ковшик с водой. Использование таких существительных в метафорических значениях обычно влечет за собой определенный контекст — наличие глаголов *одеть* и *надеть*.

Неудивительно, что такая «метафора-структура» используется ребенком и в когнитивной сфере: объекты, подлежащие научному истолкованию, нередко представляют собой сложные структуры. Освоенные Леной понятия из разных областей знания сразу же воплощаются в игре, где компарантами — моделями для сравнения — выступают наглядные предметы. *Евразия, потом разделилась на Европу и Азию* (3,7) — Лена разламывает зефир на две части. *Матрешка: в молекулах атомы, в атомах — нейтроны и ядро, потом электроны и протоны, потом кварки, потом пионы* (5,10). Приведем пример соматических «метафор-структур»: *Допустим, начало кухни — это сердечко. Я артерии, я из сердечка иду* (идет в коридор), *а потом я буду вены. Вон оттуда я артерии. Я буду в сердечко вот так идти-идти-идти, пока не приду. Из сердечка идут артерии, а в сердечко — вены* (5,1). *Шоколад — это череп, а под ним мозг, я уже съела весь череп, теперь ем мозг* (4,10) — о зефире в шоколаде (после изучения детской книги по анатомии человека).

Выше нами неоднократно приводились соматические метафоры, их наличие вполне понятно: именно собственное тело выступает как удобная модель для порождения метафорических ассоциаций в языке

в целом и при освоении мира ребенком в частности. Однако же тело человека выступает не только в качестве образа сравнения (компаратива), но и в качестве предмета сравнения (компарата). Такие «асоматические» метафоры в совокупности с соматическими представляют собой систему, отражающую ассоциации ребенка, связанные с телесной сферой: «тело человека — иной объект» и, напротив, «иной объект — тело человека». Части тела человека и их определенные положения метафорически сопоставляются со следующими предметами материального мира:

Гараж! (1,8) — о слегка расставленных ногах мамы, на пол между которыми Лена помещает игрушечные машинки. *Машинки ходят колесиками. Машинки стоят колесиками* (2,6) — колеса машин ассоциируются с ногами человека по условному сходству выполняемой ими функции. *В открытую дверь будет залетать щекотка* (3,5) — под «дверью» понимается определенное положение тела: приподнятая рука, открывающая подмышку таким образом, чтобы было удобно щекотать. *Кишечник — это лабиринт. Это такое сравнение* (5,7). *Я сказала ручки-палочки — но это в сравнении...* (5,5). *Речка рождается — и втекает в море* (4,3) — сложная развернутая метафора, содержащая сразу два предмета и два образа сравнения: имеется в виду мамина коса, тонкая на конце — подобно узкой речке в месте ее рождения, и голова — море, куда как бы впадает река-коса.

На «асоматических» (и не только) аналогиях построено шуточное стихотворение Лены о процессе кормления ребенка: *Летит тут самолетик. В нем мамочка сидит, Открой скорее ротик, В туннель он пролетит* <далее следует объяснение Леной собственных образов> *То есть ротик как туннель, а вилочка или ложечка — как самолетик, а мамочка сидит, потому что ребенок ест за мамочку* (7,4).

В речи ребенка немало *антропоморфных метафор*, метафор-олицетворений, что связано не только с очеловеченным и одушевленным восприятием мира в этом возрасте, но и с традициями детской литературы, где героями произведений зачастую выступают неодушевленные предметы. Например: *Ручки — моржи: не боятся холода* (3,4). Отметим, что средством выражения сравнения выступает метафорическое значение слова *морж* — «любитель зимнего плавания в открытых водоемах». Или: *Гадкий утенок* (5,5) — о чашке, явно отличающейся от других чашек. Чаше подобные олицетворения отмечаются в поэтической речи, предполагающей образность: *Осень — золотая птица, Осень медленно кружится* (6,5). После просмотра с родителями видеозаписи мюзикла «Ромео и Джульетта» Лена в своих стихотворениях по мотивам данного произведения вводит персонифицированный образ смерти: *...И заманчивые смерти голоса, И ее коварные глаза* (7,6) и т. п. В сравнении-олицетворении используется и мифологический антропоморфный образ, например: *У меня тут девочки Нефёпочки. У них одеяла синие, как тучки, и вверху беленькое, цвета облачков* (6,0) — в древнегреческой мифологии Нефела — богиня туч, облаков.

Не всегда критерий сравнения, образ, положенный в основу метафоры, четко определим и классифицируем. Метафора как проявление креативного начала в языке вообще и в развитии ребенка как языковой личности в частности, метафора как художественное средство предполагает свежесть, оригинальность, необычность избранной для сравнения комбинации объектов, а также критериев их сопоставления. По утверждению Н. Д. Арутюновой, в метафоре «заключено имплицитное противопоставление обыденного видения мира... необычному, вскрывающему индивидуальную сущность предмета» [2, с. 17].

В речи Лены отмечаются метафоры (в том числе сложные и развернутые, подразумевающие несколько рядов сравнений), воплощающие индивидуальные творческие ассоциации. *Знания текут по реке — школе. А дети — маленькие облака — плывут по небу из множества классов* (7,4) — здесь представлено сразу несколько взаимосвязанных рядов сравнений: река/школа, дети/облака, небо/классы, получение в школе знаний/течение реки. *Мамочка, мама, звезда веков... Сияешь ты ярче всякого солнышка, Ты моя самая яркая звездочка* (7,0) — критерием для создания метафоры послужила некая индивидуальная позитивная оценка звезды и ее света, восприятие сравниваемых объектов как важных, выделяющихся среди других; собственно, достоинство подобных сравнений именно в сложности их «перевода» на обиходный непоэтический язык. Ср. также: *фигурное катание* (4,3) — о процессе глажения белья: движения утюга по поверхности белья ассоциируются с движениями фигуристов на льду; *Школа — прекрасный наш дом, Она ведь согреет детишек теплом* (7,2); *И льется капля — подарок весны* (7,2) и др.

С помощью создания индивидуальных образов ребенок объясняет для себя некоторые научные понятия, например, особенности построения стихотворения — условие наличия рифмы: *Слова — это такие доминóшки в стихе. Потому что надо в рифму сочинять, такой же конец чтоб был. Как в домино* (4,8) — в данной игре соединяются половинки «костей» с одинаковым рисунком, присоединять «кости» на оба конца цепочки возможно только при наличии совпадающих рисунков (так же, как и подбирать рифмующиеся слова с совпадением их финальных частей).

Приведем пример, в котором ребенок почти воспроизвел лингвистический термин — метафору *словообразовательная цепочка*, не зная о нем, но интуитивно употребляя терминологическое сочетание *цеп-*

ная реакция, содержащее лексему *цепная*, однокоренную лексеме *цепочка*. *Это цепная реакция: «одуван — одуванчик — Одувашика»* (7,5), здесь *Одувашика* — имя куклы с короткими ярко-рыжими волосами. Похожими на «цепь» в восприятии ребенка оказываются отношения последовательной производности между данными словами.

В собранном нами материале доминируют метафоры, выраженные именами существительными либо — в редких случаях — устойчивыми сочетаниями, опять же соотносительными с существительными. *Глагольных метафор* существенно меньше (в целом несколько десятков); явно выделяется группа *олицетворений*, реализующих одну из особенностей семантического развития глаголов, замеченную А. М. Пешковским [11, с. 79].

В раннем возрасте (2 года) ребенок близкие и понятные ему действия, движения человека проецирует на действия и движения неживых предметов — машин: *Машины ходят колесиками. Машины стоят колесиками* (2,6). Затем (в соответствии с русской поэтической традицией) ребенком очеловечиваются времена года, состояния природы, природные объекты: *Зима весну обижает, они ссорятся* (3,1) — о весеннем похолодании. *А лето уводит весну. А осень провожает лето* (4,3), *Лето с детками играет, Осень листья собирает* (6,2), *Осень весело играла... Играла на металлофоне* (6,11), *Солнечное лето С яркою весной Вместе танцевали* (7,1), *Только море возмущается* (6,5), *Одуваны желтые Весело кружились, Одуваны белые Вдруг насторожились... Одуваны-одуваны Охраняют маму!* (6,4). Действие человека приписывается смерти как живому существу: *Мне жаль, что мы из вражеских семей, И смерть уже готовит меч* (7,6) — о Ромео и Джульетте; стихотворение написано от лица Ромео. Как можно заметить, в стихотворных текстах наблюдается бóльшая плотность, концентрация метафор.

Встречается и «олицетворенное» обозначение особого состояния — настроя на творчество, вдохновения — через действия музы: в древнегреческой мифологии музы — покровительницы разных искусств и наук. *Я просто устала, И муза отстала* (7,1); *У меня на какой-то момент муза близко-близко прилетает, а иногда подальше отлетает* (7,6).

Глагольные метафоры нередко выступают как конкретизаторы абстрактных действий (например, интеллектуальных, психических): *Когда ты ругаешь, ты прячешь свой голосочек нежный* (4,10), *Лидочка просияла своим умом* (7,4), *Ты наполнена добротой и красотой, улыбочивая, скромная, прекрасная просто* (7,0) — при этом в качестве оснований сравнения используются действия видимые и конкретные. Ср. также: *Я в твоё детство взойти не успела* (4,4) — при обращении к маме; речь идет о том, что Лена в своей жизни не застала маму ребенком.

Иногда Леной метафорически именуется действия, приписываемые абстракциям и не связанные напрямую с человеком: *Время льется, как река* (7,4) — образ времени как реки, безусловно, встречается в литературе, ср. «*Река времен в своем стремлении...*» (Г. Р. Державин), однако на данный момент этот образ не был знаком ребенку. *Я хотела, чтобы жизнь сияла яркою звездой* (7,5) — из стихотворения, написанного от лица Джульетты; о счастливой жизни — образ света, сияния воспринимается Леной как нечто позитивное.

В некоторых случаях метафору создает конкретный звуковой образ. Так, один звук может быть передан через другой: *И ручейки звенят — Весну позвать хотят* (7,2). Но в то же время звук проецируется на совершенно не связанные с аудиальным восприятием явления: *А весной лучи звенят* (6,4) — визуальный образ; *ножка звенит, прям забегало что-то по ноге у меня* (4,9) — кине-

стетический образ, об ощущении покалывания в ноге после продолжительного сидения. В наших примерах метафорическое значение получает единственный глагол со значением звука — *звенеть*.

Метафоры-прилагательные, метафорические эпитеты в наших примерах встречаются крайне редко, например: *Ручки дохлые, как жуки майские* (4,3) — метафора плюс поясняющее ее сравнение, формально выраженное с помощью конструкции, содержащей союз *как*; речь идет о состоянии усталости: Лена узнала, что в конце мая истекает срок жизни майских жуков, которых много на дорогах. *Еще букву И впиши, маленькую, худую И* (5,1) — вписывает пропущенную букву И в малый промежуток между двумя буквами.

Итак, разнообразие предметов, образов и критериев сравнения в анализируемом материале позволяет говорить о системе метафор, обладающих разными предметно-логическими основаниями и семантико-структурными характеристиками.

В качестве «темы» сравнения, или «компонента А», выступают предметы (в широком смысле этого слова), данности: артефакты, части тела человека, времена года и др., что обуславливает превалирование развития метафорических значений у имен существительных.

Глагольная метафорическая образность в нашем материале не столь распространена, как именная (возможно, потому, что ребенку дошкольного возраста проще, нагляднее, удобнее сопоставлять предметы, явления, нежели действия) — как и в языке в целом, среди таковых метафор доминируют олицетворения. Метафоры-признаки, предполагающие развитие переносного значения у имен прилагательных, единичны. Речь Лены в целом богата прилагательными, в том числе интересными образными определениями, однако при создании эпитетов на данный момент доминирует сло-

вообразовательная образность: *колготки завитушные, чистолужный котик* (4,10), *многорушная лисица* (4,11), *я коврасамолётная* (4,6), *вчерагодний снег, ведь вчера же был старый год, декабрь, год 2016-й* (5,10), *первосентябряльная метафора* (7,6) и мн. др.

В качестве «образов сравнения», «компонентов В» выступают человек и антропоморфные существа (создаются метафоры-олицетворения), артефакты и натурфакты; отмечается два типа противопоставленных по механизму переноса метафор: соматическая и «асоматическая». Наблюдаются обращения к «ключевым метафорам» [8] — архетипическим образам: жизни, смерти, времени, дороги (образ некоего пути, ведущего из взрослости в детство, разделяющего эти периоды жизни). *Но теперь бежим дорогой в детство, Та дорожка привела сюда... Мы нашли дорогу в детство, Ну а дети ищут нас: Что такое вы сейчас?.. Но нас видно не было, Мы с подружкой поняли, Что попали в детство* (7,0).

В целом, при создании сравнений в нашем материале «визуальный образный эталон» преобладает над «аудиальным» и «кинестетическим», по терминологии Т. А. Гридиной [6]. Зримые параметры наиболее естественно, без усилий воспринимаются ребенком и потому активно закрепляются в метафорических значениях (что не отменяет новизну и свежесть таких образов). Примеры аудиальной и кинестетической эталонизации при создании метафор в нашем материале единичны: глагол *звенеть* в приведенных выше контекстах (*ручьи звенят, лучи звенят*) — аудиальный эталон; *ножка звенит, прям забегало что-то по ноге у меня* — кинестетический эталон.

Не все метафоры могут быть квалифицированы с точки зрения обращения к перцептивному эталону (визуальному, аудиальному, кинестетическому), что еще раз убеждает в креативной природе метафоры. Так, например, метафора может базиро-

ваться на знании неких отвлеченных понятий, схем, которыми ребенок также может оперировать при сравнении (*цепная реакция* — о последовательной производности слов в словообразовательной цепочке, *гамма* — о структуре, представляющей собой упорядоченную последовательность объектов), в этом случае в качестве эталона выступает обобщенное представление, абстракция «последовательность».

Даже в том случае, если основой метафоры выступает один эталон (в нашем случае — визуальный), параметров сравнения может быть несколько: цвет, форма, размер, характер движения и др. В некоторых контекстах отмечается плотность метафор, когда одна метафора влечет за собой другую, два или более метафорически образных слова располагаются в рамках одного предложения.

В речи ребенка отмечаются, помимо индивидуальных, и общеизвестные метафоры, даже метафоры-штампы, распространенные в литературе (например, метафорические сравнения человека со звездой, очеловечивания времен года), есть и невольные повторы образов, встречающихся у авторов-предшественников (образ реки-времени). Однако с точки зрения самого ребенка — автора метафор — они новы и созданы, сочинены «с чистого листа».

В целом собранный материал речи ребенка от года до семи с половиной лет показывает эволюцию процесса построения сравнений и, в частности, метафоризации: от простейших однословных метафор с формулой переноса значения «артефакт — артефакт», «артефакт — животное» ребенок приходит к двух- и трехмерными метафорам, к концентрации двух или трех метафор в одном предложении; в сферу метафор вовлекаются абстракции (жизнь, смерть и др.), происходит упрощение и моделирование процесса познания в игровой форме на основе метафоры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Алефиренко Н. Ф.* «Живое слово». Проблемы функциональной лексикологии. М.: Флинта, 2009. 344 с.
2. *Арутюнова Н. Д.* Тождество или подобие? // Проблемы структурной лингвистики. М.: Институт русского языка, 1983. С. 3–22.
3. *Бондарко А. В.* Функциональная грамматика. Л.: Наука, 1984. 133 с.
4. *Бондарко А. В.* Функционально-семантическое поле // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. С. 125.
5. *Гридина Т. А.* Вербальная креативность ребенка: от истоков словотворчества к языковой игре. Екатеринбург: Уральский гос. пед. ун-т, 2018. 272 с.
6. *Гридина Т. А.* Метафоры детской речи как феномен лингвокреативного мышления и поэтической одаренности // Проблемы онтолингвистики — 2018: материалы ежегодной международной научной конференции (20–23 марта 2018, Санкт-Петербург) / РГПУ им. А. И. Герцена; отв. ред. Т. А. Круглякова. Иваново: Листос, 2018. С. 300–304.
7. *Гридина Т. А.* Языковая игра: стереотип и творчество. Екатеринбург: Уральский гос. пед. ун-т, 1996. 215 с.
8. *Москвин В. П.* Русская метафора. Очерк семиотической теории. М.: Ленанд, 2006. 184 с.
9. *Огольцев В. М.* Устойчивые сравнения в системе русской фразеологии. Л.: Изд-во ЛГУ, 1978. 160 с.
10. *Петроченко Л. А., Федеряева Н. О.* О способах выражения категории компаративности // Вестник Томского государственного педагогического университета. Вып. 9 (60). Серия: Гуманитарные науки (Филология). Томск, 2006. С. 45–51.
11. *Пешковский А. М.* Русский синтаксис в научном освещении. М.: Языки славянской культуры, 2001. 510 с.
12. *Ташлыкова М. Б.* Семантические этюды о «синтаксической деривации»: монография. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2013. 277 с.
13. *Томашевский Б. В.* Стилистика и стихосложение: курс лекций. Л.: Учпедгиз, 1959. 525 с.
14. *Харченко В. К.* Функции метафоры. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1992. 88 с.

REFERENCES

1. *Alefirenko N. F.* «Zhivoe slovo». Problemyi funktsionalnoy leksikologii. M.: Flinta, 2009. 344 s.
2. *Arutyunova N. D.* Tozhdestvo ili podobie? // Problemyi strukturnoy lingvistiki. M.: Institut russkogo yazyika, 1983. S. 3–22.
3. *Bondarko A. V.* Funktsionalnaya grammatika. L.: Nauka, 1984. 133 s.
4. *Bondarko A. V.* Funktsionalno-semanticheskoe pole // Yazyikoznanie. Bolshoy entsiklopedicheskiy slovar / gl. red. V. N. Yartseva. M.: Bolshaya Rossiyskaya entsiklopediya, 1998. S. 125.
5. *Gridina T. A.* Verbalnaya kreativnost rebenka: ot istokov slovotvorche–stva k yazyikovoy igre. Ekaterinburg: Uralskiy gos. ped. un-t, 2018. 272 s.
6. *Gridina T. A.* Metaforyi detskoy rechi kak fenomen lingvokreativnogo myishleniya i poeticheskoy odarennosti // Problemyi ontolingvistiki — 2018: materialy ezhegodnoy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (20–23 marta 2018, Sankt-Peterburg) / RGPU im. A. I. Gertsena; otv. red. T. A. Kruglyakova. Ivanovo: Listos, 2018. S. 300–304.
7. *Gridina T. A.* Yazyikovaya igra: stereotip i tvorchestvo. Ekaterinburg: Uralskiy gos. ped. un-t, 1996. 215 s.
8. *Moskvin V. P.* Russkaya metafora. Ocherk semioticheskoy teorii. M.: Le-nand, 2006. 184 s.
9. *Ogoltsev V. M.* Ustoychivyye sravneniya v sisteme russkoy frazeologii. L.: Izd-vo LGU, 1978. 160 s.
10. *Petrochenko L. A., Federyaeva N. O.* O sposobah vyirazheniya kategorii komparativnosti // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Vyip. 9 (60). Seriya: Gumanitarnyye nauki (Filologiya). Tomsk, 2006. S. 45–51.
11. *Peshkovskiy A. M.* Russkiy sintaksis v nauchnom osveschenii. M.: Yazyiki slavyanskoy kulturyi, 2001. 510 s.
12. *Tashlyikova M. B.* Semanticheskyye etyudy o «sintaksicheskoy derivatsii»: monografiya. Irkutsk: Izd-vo IGU, 2013. 277 s.
13. *Tomashhevskiy B. V.* Stilistika i stihoslozhenie: kurs lektсий. L.: Uchpedgiz, 1959. 525 s.
14. *Harchenko V. K.* Funktsii metaforyi. Voronezh: Izd-vo Voronezhskogo un-ta, 1992. 88 s.